

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-1-106-112

УДК (UDC) 82-311.4

*Bouilov Vassili V.,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland*

*Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия*

*For citation: Bouilov Vassili V. (2022).
Andrei Platonov: Signs of Postmodernism
in the Short Novel The Foundation Pit.
Andrei Platonov's Epiphany.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 1 (2022), pp. 106-112 (in USA)*

Manuscript received 10/02/2022

Accepted for publication: 28/03/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ: ПРИЗНАКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН». ПЛАТОНОВСКАЯ ЭПИФАНИЯ

ANDREI PLATONOV: SIGNS OF POSTMODERNISM IN THE SHORT NOVEL THE FOUNDATION PIT. PLATONOV'S EPIPHANY

Abstract:

20 years before the advent of postmodernism, in the late 1920s, in the conditions of complete international isolation of the USSR, the unique writer's worldview of Andrei Platonov has reflected the centuries-old experience of the world, which was spiritually and physically exhausted from its own self-misunderstanding. The essence of this polyphonic reflection was a symbolic anticipation of the postmodern vision of the world. The presence of many apparently objective elements of future postmodern poetics in Andrei Platonov's short novel *The Foundation Pit* allows classifying this Platonov's key literary work as peculiar Russian, or more precisely, Platonov's forerunner of European postmodernism of the 50-60s.

Keywords: Postmodernism, Andrei Platonov's literary collision of Utopia and Dystopia, stylistic and philosophical syncretism, semantic eclecticism, menippea, simulacrum, pastiche, carnivalization, hypertextuality, intertextuality, implicativity of narrative, epiphany

Аннотация:

За 20 лет до появления постмодернизма, в конце 1920-х годов, в условиях полной международной изоляции СССР, уникальное писательское мироощущение Андрея

Платонова, в котором нашел свое полифоническое отражение многовековой опыт мира, духовно и физически истощенного от собственного самонепонимания, явилось символическим предвосхищением постмодернистского видения мира. Присутствие в повести Андрея Платонова «Котлован» многих объективных элементов будущей постмодернистской поэтики позволяет нам рассматривать это его ключевое произведение как некую своеобразную русскую, платоновскую предтечу европейского постмодернизма 50-60-х годов.

Ключевые слова: постмодернизм, платоновское литературное столкновение Утопии и Антиутопии, стилистический и философский синкретизм, смысловая эклектика, мениппея, симулякр, пастиш, карнавализация, гипертекстуальность, интертекстуальность, имплицативность повествования, эпифания

Введение

Повесть Андрея Платонова «Котлован» [11] как ключевое авторское прозаическое произведение, построенное на художественно интегрированном синтезе и коллизии Утопии и Антиутопии, жанрово намного опередила свое время и в системе литературоведческой классификации сравнительно долго продолжала находиться где-то на стыке авангарда (модернизма), сюрреализма и других направлений, появление и реализация которых растянулось на добрую половину XX-го века. В системе советского внутрилитературного процесса, когда не признавалось ничего кроме соцреализма, в поздние 1980-е годы вдруг на поверхность с шумом вырвалось «сразу всё», а именно запрещенная литература советского периода с эпохально-латентным «Котлованом» Платонова впереди.

Литературно-художественная и символизирующая ценность «Котлована» состоит в том, что наряду с другими ключевыми произведениями Платонова он явился ярчайшим творческим «выплеском», произошедшим каким-то необъяснимым и неподконтрольным тоталитарной системе образом и именно внутри этой господствующей системы репрессивной законности, казённого энтузиазма и нарастания новых форм классового отчуждения. При этом в данном написанном во «внемодернистскую» сталинскую эпоху прозаическом тексте вместе с его многожанровостью, концентрированностью, многомерностью формы, смысловой эклектикой просматриваются явные черты так называемого «допостмодернистского постмодернизма».

Рассуждения

В тексте повести «Котлован» повсеместно присутствуют стилистический и философский синкретизм как столкновение и объединение разнородных начал, устранение конвенциональных границ между разными стилями и жанрами, обильное употребление клише, ввод симулякра как продукта художественной гиперреальности и пастиша как стилизованной художественной имитации. И.С. Скоропанова, говоря об интертекстуальности как о следствии всеобъемлющей трансформации текста в постмодернизме, считает доминантой постмодернистского стиля *гипертекстуальность*, предполагающую ироническое и пародийное соотнесение текста с заимствованными источниками и служит переоценке ценностей. Она выделяет такие черты и признаки постмодернизма:

«Иронизирование неотделимо здесь от самоиронизирования, пародирование осуществляется в форме пастиша – пародийно-иронического использования различных художественных кодов (стилей, манер), подвергаемых деконструкции, соединяемых как равноправные. Благодаря этому происходит не замена «негатива» «позитивом», а рассеивание «твёрдых» смыслов, преодолевается однозначность. Стилевой эклектизм постмодернизма порожден соединением несоединимого (в традиционной эстетике),

что является следствием размыкания структуры, разрушения границ, деиерархизации иерархизированного. <...>» [12, с. 54]

Можно говорить о присутствии в «Котловане» и других характерных для постмодернизма художественно-онтологических признаков. Этими признаками являются такие свойства платоновского текста, как концентрированная мениппейная природа всего его художественного пространства, жанровая многогранность, фрагментарность, амбивалентность, имплицативность повествования, повсеместное использование в нем средств иносказательности и эзопова языка, аллегоричность, гротескность, радикальная карнавализация сюжета, особая щемящая и горькая самоирония, которые удивительным образом сложились в неповторимое платоновское творческое мироощущение. Роль «Котлована» как интертекста, реализующаяся в приращении смыслов в результате интертекстуального взаимодействия в нем разных текстов, также может рассматриваться как один из важнейших признаков проявления постмодернизма.

Мениппея как жанр в своей внешне объективной литературной форме и внутренне субъективно представлена в содержании, жанрово-композиционной структуре «Котлована», образно-сюжетном построении и авторском языковом и стилистическом оформлении «Котлована». При этом объективные и субъективные признаки приема карнавализации, процессы которой подвергнуты усвоению постмодернистской литературой [10, с. 172; 6, с. 171], также в значительной мере присутствуют в тексте повести. Упомянутые признаки постмодернизма проявляются в «Котловане» соответственно в содержании и форме художественного повествования, что подтверждает проведенный нами уже ранее в других наших работах сначала по отдельности, а затем в совокупности анализ функционирования концептов и средств языковой выразительности в их художественном взаимодействии в прозаическом пространстве текста «Котлована».

По нашему твердому убеждению, жанрово в «Котловане» можно также обнаружить явные признаки **эпифанической модели текста**. Эпифания (греч. *επιφάνεια*/epiphaneia буквально явление, проявление) – изначально историко-религиозное понятие, означающее явление Божественного. «В традиционном понимании – зримое или слышимое проявление некоей силы, прежде всего божественной или сверхъестественной, внезапное озарение. Эпифания была центральной концепцией ранней эстетической теории Джеймса Джойса» [1]. В нашем исследовании мы рассматриваем эпифанию именно как литературный жанр. Е.В. Халтрин-Халтурина дает такое толкование эпифании при использовании ее в качестве литературоведческого термина:

«Так называемые моменты видения составляют основу многих романтических и модернистских произведений англоязычной литературы. В XIX в. «моменты видения» связывались со «вспышками воображения», а в XX в. – с «эпифаниями». <...> Под «моментами видения» понимаются структурные единицы текста, из которых складываются многие произведения английских романтиков и модернистов. Предметом художественного описания в таких эпизодах является особое обострение чувств: персонаж (или лирическое «я») перестает смотреть на мир обычным «телесным оком». <...> Состояние это приходит и пропадает внезапно. Мысленно возвращаясь к таким моментам на протяжении жизни, пытаюсь их пережить заново, осознать, герой начинает лучше понимать свой внутренний мир. <...> Что касается литературы модернизма, там «моменты видения» следует объяснять иначе. Этиология их иная, поскольку романтическое воображение – понятие малофункциональное для модернистской эстетической системы. Отсюда возможны

расхождения в терминологии. За модернистскими «моментами видения» в науке закрепился конкретный термин – «эпифания». [5, с. 27-28]

Если говорить о «Котловане», в нём не стоит искать какой-то логической последовательности в повествовании, ждать наполнения ее событийностью конкретных в своей реальности жизненных ситуаций. Этим объясняется и своеобразие образнокомпозиционной структуры повести, свёрнутость сюжета, его малоподвижность и отсутствие его развития, фрагментарность всего повествования. Нестандартная временно-пространственная композиция повести характеризуется многоуровневой структурой и при этом объединена плотно спрессованным, свёрнутым сюжетом, который определяется сложением двух хронотопов: городского и деревенского. «Два разных пространства – Город и Деревня – объединены одним временем, временем утопического движения к социализму» [4, с. 254]. В прозаическом тексте повести «Котлован» подобно тому, как это происходит в поэтическом тексте, основу композиционной структуры составляет развёрнутая система взаимодействующих между собой философских концептов, которые реализуются в функционировании конкретных социальных типов персонажей.

Е.Г. Фоменко в своей монографии «Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса» [3] дает концептуальное определение эпифанической модели текста как разновидности художественного дискурса, философии познания мира, принципа построения художественных систем. Обосновывая данный подход к эпифании, она делает особый акцент на первичности языка и единообразии лингвотипологических признаков эпифанической модели художественного текста:

«Развитие эпифанической модели, актуализующей первичность языка в пространстве художественного дискурса, обусловлено возрастанием ассоциативности художественного текста, интерпретируемого в постоянно возобновляемых напластованиях. Первичность языка раздвигает границы отдельного художественного текста для вхождения в лингвистический универсум, концептосферу, семиосферу художественного дискурса эпохи. <...> К ее лингвотипологическим признакам относятся: 1) специфический код (высокоорганизованная ментальная структура), манера письма (наслоение двойственных смыслов в множащихся ассоциативных сетях, пронизывающих все уровни текста), первичность языка; 2) наложение новой, эпифанической модели художественного текста, на конвенциональную для прозаических систем формально-смысловую рамку; отказ от традиционного повествования в пользу производящей формы; 3) многопластность текстовых структур, требующих многослойных интерпретаций, открытость текстов для многих принципов прочтения». [3, 1.3.-1.3.1.]²¹

Присутствие в «Котловане» признаков эпифании является результатом авторских поисков в диапазоне от платоновской языковой деформации до индивидуальной интерпретации и вполне возможного писательского интертекстуального следования жанровым формам и мотивам всех доступных для Платонова литературных источников той эпохи модернизма и авангарда, уместных для выражения его творческой онтологии и философии жизни. Платоновская эпифания почти интуитивно выстроена им по подобию уже

²¹ Здесь нами даются номера раздела 1.3., подраздела 1.3.1., поскольку Интернет-публикация представлена без указания страниц, но с электронным подразделением на главы, разделы и подразделы.

существующей эпифанической модели художественного текста. «Эпифания – конструктивный принцип построения текста, «точка во времени», уникальное по своей природе мгновение, которое посредством целостной художественной формы сопрягает в едином впечатлении событие и опыт, раскрывает истину через символический фрагмент» [2, с. 67]. Е.В. Халтрин-Халтурина предлагает наглядное описание того, как эпифания «работает» в тексте Д. Джойса:

«Впервые Джойс предложил свою формулировку термина «эпифания» в неоконченном романе «Герой Стивен» (1905 г., опубликован в 1944 г.). Главный герой Стивен Дедал ставит себе целью собирать воспоминания о всём заурядном (и даже низменном), которое на неуловимый миг преображается, изумляя героя, оживляя его чувства и мысли. <...> Он сказал Крэнли, что часы портового управления способны к эпифании. <...> – Я буду проходить мимо них множество раз, <...> мельком взглядывать. <...>. А потом вдруг, внезапно, я гляну на них и сразу же осознаю, что́ это: эпифания. <...> мои предыдущие взгляды на эти часы – нащупыванья духовного ока, которое приспособливается своим зрением, чтоб предмет попал в фокус. В тот момент, когда фокус найден, предмет становится эпифанией. <...> [8, с. 222-223, пер. С. Хоружия; 7, с. 211]. Здесь Джойс назвал эпифанией не только психологическое переживание героя (то есть способ восприятия мира и особый эмоциональный опыт, полученный в «момент видения»), но и предмет, преобразившийся в восприятии человека: уличные часы. Яркий запоминающийся образ затем воплотился в текст, который тоже называется «эпифанией». [5, с. 30]

В «Котловане» [11] Платонов идет еще дальше. Подобное художественно-философское осмысление и последующее олицетворение и одухотворение Платоновым материи и отдельных встречающихся на пути героев предметов неизмеримо раздвигает рамки одушевленного мира, населяет его мириадами новых осмысленных вещественных «обитателей», готовых к символическому «духовному общению» с человеком:

Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. «Ты не имел смысла жизни, – со скупостью сочувствия полагал Воцев, лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить». [11, с. 18]

В своих поисках истины Платонов проходит в «Котловане» духовно сложный путь от эпифании отдельных символических образов-концептов и материальных предметов до художественно-философского осознания и эпифании главного материального объекта, концептуального образа и ключевого «субъекта» повествования – Котлована. Повсеместное включение в текст «Котлована» жанровых признаков и элементов эпифании способствует созданию многочисленных эмоционально насыщенных кульминационных точек повествования, значительно обогащая образно-композиционную и нарративную структуру повести. Психологически активный и эмоциональный процесс художественного внедрения в текст элементов эпифании, через который Платонов проходит как художник, может быть описан следующими словами:

«Умберто Эко описал этот процесс следующим образом: <...> «эпифания – это способ открывать реальное и вместе с тем – способ определять его посредством дискурса. <...> эпифания из эмоционального момента, о котором поэтическое слово

должно в лучшем случае напоминать, становится оперативным моментом искусства, который образует и устанавливает не способ переживать жизнь, но способ формировать ее»²². Охарактеризованная выше динамика превращения «момента видения» из «типа интеллектуального и эмоционального опыта» в «оперативный момент искусства», то есть в структурную единицу текста, повторяет логику развития романтической поэзии, воспевающей воображение.» [5, с. 30-31]

Эпифания как еще одна жанровая принадлежность «Котлована» со столь характерной для него «эпифанической эпизодичностью», фрагментарностью повествования проявляется и в контексте его расширенной художественной экзистенциальной реализации, и в его ипостаси текста, позволившая ему предвосхитить собой по своей форме и содержанию постмодернистскую «поэтику необычного» в своем условном отражении реальности и в остальном своём синкретическом межжанровом синтезе: «В эпифанической модели происходит освоение тексто-стилевым концептом концептуального пространства мировоззренческого концепта *истина*, который является целью искусства вообще» [9, с. 78].

Заключение

В основе платоновского художественного и языкового метода лежит синкретическое сведение разнородных, вступающих в противоречие принципов, эклектическое смешение теорий, идей, стилей и взглядов при предпочтительном выборе автором такого лингвостилистического оформления и таких стилистических элементов, которые имеют определяемые социокультурным контекстом особые имплицитивно-коннотативные и окказиональные смыслы. Значительно опережая свою эпоху и опираясь только на свою писательскую интуицию, Платонов писал «Котлован» задолго до того, как художественно-эстетическое понятие постмодернизма (50-е годы) было представлено в качестве самостоятельного направления искусства. При этом всё перечисленное выше, а именно присутствие в тексте повести «Котлован» определённых и внешне объективных жанровых, языковых и стилевых признаков и элементов, позволяет нам считать «Котлован» Андрея Платонова **предтечей литературного и языкового постмодернизма**, художественно-предопределяемого формой и содержанием этого текста, характерными для постмодернизма именно как литературного направления, формально и целостно сложившегося уже в постплатоновский период истории литературы.

References:

1. Akademik (2016). Internet-resurs dic.academic.ru: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/119462>.
2. Brannigan J. (1999). York notes: James Joyce "Dubliners". London: Longman.
3. Fomenko E.G. (2006). «Lingvotipologicheskoe v idiosile Dzhejmsa Dzhojsa»:
 - 1.1.4. Jazyk kollektivnogo idiosilja jepohi. Internet-resurs 27.05.2014: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joysa5.htm>;
 - 1.3.1. Istoki jepifanicheskoj modeli: Internet-resurs 27.05.2014: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joysa8.htm>.
4. Geller M.Ja. (1982). Andrej Platonov v poiskah schast'ja. Paris: Ymca-Press.
5. Haltrin-Halturina E.V. (2011). Ot romanticheskikh «vspyshkek voobrazhenija» k modernistskim «jepifanijam»: preemstvennaja svjaz'. Serija «Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i

²² Сноска Е.В. Халтрин-Халтуриной via: [13, с. 122-123, 131; пер. А. Ковалёв]

- fol'kloristika». Gl. red. E.I. Pivovar. Vestnik RGGU, # 7(69). Moskva: Izdatel'skij centr RGGU, 27-36.
6. Hassan I.H. (1987). The postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Columbus, OH: Ohio State University Press.
 7. Joyce J. (1963). A portrait of the artist as a young man. New York: Viking Press.
 8. Joyce J. (2003). Geroj Stiven; Portret hudozhnika. Per. i komment. S. Horuzhego. Zapiski universuma v junosti. Per. S. Horuzhij. Fond kul'turologicheskikh, hudozhestvennyh i filosofskih proektov «Uliss». Moskva: Minushee.
 9. Lotman Ju.M. (1998). Ob iskusstve. Sankt-Peterburg: Iskusstvo.
 10. McHale B. (1987). Postmodernism Fiction - New York and London: Methuen.
 11. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
 12. Skoropanova I.S. (2002). Russkaja postmodernistskaja literatura. Moskva: Flinta.
 13. Eko U. (2006). Pojetiki Dzhojsa. Per. s ital. A. Kovalja. Sankt-Peterburg: Simpozium.

Information about the author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies, Вассилий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия.

E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704 Home and personal post address: Vassili Bouilov, Eerikinkatu 23 A11, 00180 Helsinki, Finland

Member of the Union of Translators of Russia (UTR)

Expert of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes,

Member of GLEDID Scientific and Advisory Council, Member of GLEDID Editorial Board, Official Representative of GLEDID in Finland (GLEDID, A Russian and International NGO/non-governmental non-profit organization, Moscow, Russian Federation).

Published scientific works – about 80 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in different aspects of Andrei Platonov's Idiostyle, Ontology and other writer's Creative Activities, i.e. Platonovovedenie).

Acknowledgments: Special thanks to the reviewer Prof. Turkan Olcay, Istanbul University from Istanbul, Turkey

Contribution of the author: The work is solely that of the author.